

Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830—1840-е гг.

Григорий Бибигов

**Gendarme staff officer and provincial administration:
K.Ya. Flige in the 1830s—1840s**

Grigory Bibikov

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870014462-9

В царствование Николая I жандармские штаб-офицеры были призваны наблюдать за деятельностью местной администрации и докладывать в столицу о злоупотреблениях и иных противоправных действиях чиновников. Отдельные аспекты взаимодействия жандармов и губернаторов уже рассматривались в историографии¹. Но до сих пор практически не изучалось его влияние на карьеру чинов «высшей полиции». Между тем, хотя «исследователи констатируют произвол в деятельности и страх перед жандармами, однако... жандармские штаб-офицеры сами были нередко беззащитны перед руководителями губерний»².

В конце 1826 г. первые губернные штаб-офицеры получили секретную инструкцию, предписывавшую обращать «внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления». В ней шеф жандармов А.Х. Бенкендорф наставлял своих подчинённых: «Прежде, нежели приступить к обнаруживанию встретившихся беспорядков, вы можете лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки, и тогда уже доносить мне, когда ваши домогательства будут тщетны»³.

© 2021 г. Г.Н. Бибигов

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ См.: *Ремнёв А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; *Бикташева А.Н.* Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826—1861 гг. // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2014. № 4. С. 110—114; *Романов В.В.* Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов — функция политической полиции Российской империи в 1826—1860 гг. // Правозащитная политика в современной России. К 20-летию Основного закона государства (сборник по материалам круглого стола и всероссийской научно-практической конференции). Ульяновск, 2014. С. 124—131; *Абакумов О.Ю.* Жандармы и губернные власти: становление системы контроля // Управление стратегическим развитием территорий. Сборник научных трудов. Саратов, 2016. С. 129—132.

² *Романов В.В.* Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826—1860 гг. (на материалах Поволжья). Дис. ... д-ра ист. наук. Ульяновск, 2008. С. 307.

³ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1997. С. 473—474.

Порядок взаимодействия жандармских чинов с губернской администрацией обсуждался на одном из первых заседаний Комитета 6 декабря 1826 г., призванного «обозреть все части управления и наметить правила к лучшему их устройству»⁴. Опасаясь, что из-за «неосновательных показаний... правительство с трудом найдёт людей достойных для занятия губернаторских, даже и генерал-губернаторских мест», члены Комитета высказались за подчинение жандармских штаб-офицеров начальникам губерний, а «главного командира жандармов, заведующего высшею полицией», предложили «присоединить к Министерству внутренних дел в звании товарища министра». Но Николай I 26 января 1827 г. решил иначе: «Штаб-офицеры сии будут составлять род чиновников по особенным поручениям и не могут ни в каком случае полагать преграды в действиях местного губернского начальства, или в чём бы то ни было затруднять их, ибо сим жандармским начальникам не будет присвоено никакой власти, и обязанности их состоять должны в доставлении сведений сюда и губернаторам о том, что до них доходит или ими открыто будет»⁵. Подчинялись они по-прежнему исключительно своему шефу, который сохранил самостоятельное положение и зависел в своих действиях только от императора.

В дополнительной секретной инструкции, утверждённой в апреле 1827 г., штаб-офицерам указывалось «ни под каким видом не вмешиваться ни в какие действия и распоряжения присутственных мест и начальства как по гражданской, так и по военной части» и «избегать, напротив, всякого вида соучастия и влияния на производство дел и на меры, местными начальствами предпринимаемые». Более того, они должны были приобретать «благорасположение всех гг. начальников гражданских и военных» и «поставить себя на такую ногу, чтобы местные начальства вас уважали и принимали бы извещения ваши с признательностью». Поэтому, узнав «о каком-либо противозаконном поступке», они могли «предварить о том словесно или посредством записки, того начальника, до коего обстоятельство сие касаться будет»⁶. В целом же, по выражению Бенкендорфа, им следовало держаться, как посланникам «в иноземных державах: по возможности всё видеть, всё знать, и ни во что не вмешиваться»⁷.

Между тем поначалу эти инструкции официально оставались секретными и для губернских властей, которым не сообщалось, как именно взаимодействовать с жандармами⁸. Вскоре начались служебные столкновения⁹. 7 декабря 1827 г. управлявший МВД В.С. Ланской циркулярно уведомил губернаторов о необходимости внимательно относиться к донесениям жандармов и не разглашать их в обществе¹⁰. А Бенкендорф в 1828 г. напомнил своим подчинённым, что они обязаны «только уведомлять начальство о злоупотреблениях гражданских чи-

---

⁴ Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // *Кизеветтер А.А. Исторические очерки.* М., 2006. С. 383.

⁵ Журналы Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891. С. 45, 47.

⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 631, л. 51—51 об.

⁷ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 82.

⁸ Первая жандармская инструкция была сообщена губернаторам в 1835 г. Подробнее см.: *Бибилов Г.Н.* Отставка екатеринославского губернатора Н.М. Лонгинова (1836 г.) // *История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник материалов VI международной научно-практической школы-конференции молодых учёных.* М., 2018. С. 121—128.

⁹ *Романов В.В.* Надзор за состоянием... С. 124—131.

¹⁰ *Ремнёв А.В.* Самодержавие и Сибирь... С. 121.

новников, нимало не настаивая ни об исследовании сих злоупотреблений, ни о поступлении к прекращению оных по законам и не требуя уведомления о том, что по их сообщениям будет сделано, оставляя последнее на собственное распоряжение местного начальства»¹¹. Тогда же губернским штаб-офицерам было запрещено «входить в формальную или официальную переписку и сношения с местным начальством», обращаться к которому полагалось только устно или частными записками¹². Впоследствии эти предписания дополнялись новыми разъяснениями, и к началу 1840-х гг. составили, по словам гр. Бенкендорфа, «некоторый свод обязанностей жандармских офицеров, но свод и ныне ещё недостаточный, ибо ещё и теперь являются случаи, в которых тот или другой из моих подчинённых испрашивает моего разрешения»¹³.

Всё это отнюдь не упрощало контакты с губернской администрацией. Чтобы понять характер этих взаимоотношений, приходится всматриваться в судьбы конкретных лиц, в обстоятельства их назначений и перемещений, в детали возникавших конфликтов и в те способы, которыми они улаживались. Богатую пищу для размышлений даёт, в частности, биография Карла Яковлевича Флиге, состоявшего в 1830-х гг. штаб-офицером в Курской, Минской и Черниговской губерниях, а затем занимавшего пост подольского военного губернатора. До перевода в жандармское ведомство Флиге почти 30 лет отдал военной службе. Он родился в 1785 г. в Риге в немецкой лютеранской семье и, судя по формулярному списку, происходил из дворян Санкт-Петербургской губ., но недвижимого имения за собой и родителями не имел. После обучения в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе¹⁴ Флиге в декабре 1801 г. поступил подпоручиком в Корпус инженеров, затем служил в артиллерии, участвовал в кампаниях 1805—1807 гг., за сражение при Фридланде получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В июле 1812 г. его тяжело ранило ядром под Городечно, и до сентября 1813 г. он лечился в Киеве. Здесь Карл Яковлевич решил обосноваться и приобрёл дом на Крещатике. В 1816 г. капитан Флиге, будучи командиром лёгкой 52-й роты 26-й артиллерийской бригады, отправился на Кавказ, где провёл более десяти лет. В 1819 г. он оказался в составе Грузинской гренадерской бригады, а с июня 1826 г. командовал Навагинским пехотным полком, с которым действовал против персов и горцев. В 1826 г. за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1828 г. Карл Яковлевич женился на дочери киевского врача М.Х. Бунге, но уже в следующем году она скончалась на Кавказе при родах (родившийся младенец Николай остался на воспитание в семействе Бунге)¹⁵. В 1829 г. Флиге был произведён в полковники, а в ноябре 1831 г. уволен «за ранами» с мундиром и пенсией, после чего поселился в Киеве¹⁶.

Однако вскоре отставной офицер почувствовал нужду в казённом жалованье и в феврале 1833 г. отправился в Петербург, где подал прошение об определении в Корпус жандармов. При этом Флиге действовал через дежурного штаб-офицера корпуса полковника Л.В. Дубельта, с которым его связывала

¹¹ Романов В.В. Местные органы политической полиции... С. 309.

¹² Там же.

¹³ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 80 об.—83.

¹⁴ С марта 1800 г. — Второй кадетский корпус.

¹⁵ Малій О.В. Маловідомі сторінки життєвого шляху Християна Бунге (1776—1857 рр.) // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 81. М.Х. Бунге — крестница М.М. Сперанского и сестра будущего министра финансов и председателя Комитета министров.

¹⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 782, л. 33—48.

совместная служба в Киеве и общие знакомства¹⁷. Леонтий Васильевич пользовался благосклонностью гр. Бенкендорфа и заметно влиял на перестановки в жандармском ведомстве. Тем не менее граф обратился к генералу А.П. Ермолову с просьбой «почтить уведомлением, с какой стороны был известен... штаб-офицер сей как по способностям его, так и по нравственным качествам». Ермолов ответил: «Отставного полковника Флиге знаю я не менее двадцати пяти лет, в разное время и довольно долго находился он под моим начальством и наконец в Отдельном Кавказском корпусе, где, по представлению моему, получил в командование пехотный полк, как офицер известный отличным в службе усердием, похвальною склонностью к порядку и испытанною нравственностью»¹⁸. В Инспекторском департаменте Военного министерства Флиге признали достойным к повышению чина. В середине июня 1833 г. он вновь прибыл в Петербург для испытания при Управлении корпуса. 24 июля Николай I одобрил доклад гр. Бенкендорфа об определении Флиге штаб-офицером в Архангельскую губ. Но тому хотелось служить ближе к Киеву¹⁹ и, видимо, при посредничестве Дубельта удалось добиться назначения в Курск. 1 сентября последовал соответствующий приказ, а 17 октября Карл Яковлевич прибыл к новому месту службы.

В «Отчёте о действиях чиновников Корпуса жандармов» за 1834 г. отмечены первые поручения Флиге, заслужившие одобрение начальства: он «разведывал о состоянии в Курской губернии градских и земских полиций, о почтовой гоньбе и злоупотреблениях по должностям службы». Тогда же «собранные уже по сим предметам сведения, оправдавшие таковое поручение, были представлены им... вновь назначенному губернатору» С.Ф. Паскевичу. Осенью Флиге обнаружил «большие беспорядки» при проведении дворянских выборов в губернском городе. Шеф жандармов уведомил о них министра внутренних дел Д.Н. Блудова, и тот «признал нужным, для отклонения на будущее время подобных отступлений от законов, предположить некоторые меры»²⁰.

В декабре 1834 г. министр императорского двора кн. П.М. Волконский просил гр. Бенкендорфа «по случаю... передачи в удельное управление всех казённых крестьян Симбирской губернии, назначить надёжного штаб-офицера Корпуса жандармов с тем, дабы он находился в сказанной губернии во всё время передачи в удел означенных крестьян»²¹. Характерно, что кн. Волконский сам указал на курского штаб-офицера, известного ему по армейской службе, и, как говорилось во всеподданнейшем докладе гр. Бенкендорфа, «сделал самый лучший выбор, ибо полковник Флиге, обладая умом просвещённым, отличает себя усердием к службе и отличными способностями»²². В январе 1835 г. он получил в Петербурге инструкции от шефа жандармов и вице-президента

---

¹⁷ С 1815 г. Дубельт служил в Киеве дежурным штаб-офицером 3-го пехотного корпуса, которым тогда командовал Н.Н. Раевский (Леонтий Васильевич Дубельт. Биографический очерк его и письма // Русская старина. 1888. № 11. С. 491; *Бокариус М.В., Лурье Ф.М.* Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. Т. VI. М., 1995. С. 106—110).

¹⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 377, л. 6, 8.

¹⁹ В декабре 1831 г. Николай I принял решение, «чтобы штаб-офицеры Корпуса жандармов не были помещаемы в те губернии, в коих имеют свои имения, по примеру того, как сие соблюдается при назначении гражданских губернаторов» (Там же, д. 282, л. 1).

²⁰ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 12.

²¹ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 1.

²² Там же, ф. 110, оп. 2, д. 511, л. 4.

Департамента уделов Л.А. Перовского: «Наблюдение с Вашей стороны должно обнимать распоряжения всех местных начальств гражданского ведомства, равно земской полиции и порознь всех чиновников, которые для передачи казённых крестьян употреблены будут»²³.

В феврале — начале марта Флиге дважды объехал Симбирскую губ., присутствуя при объявлении указа о переводе крестьян в удельное ведомство, дабы «в случае надобности быть истолкователем и блюстителем истины»²⁴. 16 марта 1835 г. он известил шефа жандармов, что «передача казённых крестьян в удельное ведомство окончена», а в рапорте кн. Волконскому предложил поручить дальнейшее наблюдение симбирскому жандармскому штаб-офицеру майору Э.И. Стогову, «которому известна местность того края и отношения многих лиц»²⁵. Князь передал записку гр. Бенкендорфу, но тот предпочёл оставить Флиге в Симбирске.

В марте 1835 г. симбирским гражданским губернатором стал действительный статский советник И.С. Жиркевич. Перед отъездом в губернию он представлялся гр. Бенкендорфу. «Я Вас прошу о двух вещах, — сказал ему шеф жандармов, — там теперь находятся моих два штаб-офицера, которых прошу принять под своё покровительство, и ещё — чтобы Вы обо всём экстренном и о различных недоразумениях, могущих случиться, были бы в прямых сношениях со мной»²⁶.

Недоразумения начались почти сразу. 19 апреля Флиге передал Жиркевичу просьбу удельного крестьянина, которого «по обыкновению обманул» один из членов рекрутского присутствия²⁷. 25 мая в частной записке жандарм просил «обратить на сего несчастного милостивое внимание и... почтить уведомлением, что по сему будет сделано и какое может ожидать сей крестьянин удовлетворение»²⁸. Жиркевич усмотрел в этом вмешательство в дела администрации и потребовал, чтобы Флиге обращался к нему не записками, а формальными отношениями. «А потому, — писал губернатор, — хотя я и не вижу прав, на коих Вы простым запросом по записке требуете от меня отчётности в моих действиях, но из личного уважения к Вам долгом поставляю на сей раз дать отзыв, что по записке Вашей 19 апреля я настоятельно тогда же предписал полицмейстеру поспешить исследованием изложенного по записке дела»²⁹. Флиге ничего не оставалось, как ответить: «Усматривая, что переписка со мною... Вам неприятна, и при том не желая и сам впредь получать подобных оскорбительных отзывов, я на основании правил штаб-офицера Корпуса жандармов прекращаю всякого рода переписки с Вашим превосходительством, а о могущих встретиться делах во всех отношениях буду относиться к... шефу жандармов»³⁰. Уже 27 мая он обратился к гр. Бенкендорфу: «Принимаю сме-

²³ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 5 об.

²⁴ Там же, л. 16—16 об.

²⁵ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 511, л. 13.

²⁶ *Жиркевич И.С.* Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1848. М., 2009. С. 302.

²⁷ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 24.

²⁸ Там же, л. 28.

²⁹ Там же, л. 29.

³⁰ Там же, л. 31. Как вспоминал Жиркевич, он «благодарил Флиге за первое со времени нашего знакомства приятное для меня извещение, ибо окончание этой корреспонденции много убавит у меня дела». Губернатор связывал самонадеянность жандармского полковника с излишне мягким управлением своего предшественника А.М. Загряжского, к которому Флиге «иногда относился с упрёками». По словам Жиркевича, «в одной записи он решился даже требовать, чтобы исправник

лость покорнейше просить вразумить симбирского гражданского губернатора, что я служу не по полицейской части и не имел другого права писать к нему, как форменною запискою, и вместе с тем испрашиваю позволения о могущих встретиться подобных делах относиться уже прямо к Вашему сиятельству»³¹. Вместе с формальным рапортом Флиге послал и частное письмо к Дубельту, жалуюсь на Жиркевича, который делал «разные каверзы и затруднения в... хodataйстве об удельных крестьянах». Как утверждал полковник, «не вступая в должность», губернатор «должен был всюду занимать, а следственно и многим властям и лицам должен был покориться», к тому же он поссорился «с управляющим удельною конторою, которого как богатого человека хотел прибрать к своим рукам, вероятно, из корыстолюбивых видов, но, быв остановлен мною, вознегодовал и теперь всё, что удельное, не имеет у него защиты!». Более того, начальник губернии, «сам, решительно не зная дел, действует умом своего секретаря [А.А.] Раева (бездельника)». Флиге уверял Дубельта: «Я всё сие пишу для того, дабы ты не полагал, что какая-либо личность мною руководит, я с ним и теперь знаком, часто бываем вместе и с улыбкою друг другу пожимаем руки!». Причём именно Дубельту предоставлялось решить: «Если найдёшь, что я дело пишу, то дай моей просьбе ход, ибо я не хочу действовать против воли твоей и без твоего совета»³².

Жиркевич, со своей стороны, передал письма Флиге на усмотрение Блудова, возмущаясь тем, что жандармские офицеры, «присваивая себе власть, требуют разных объяснений, не отношениями, а канцелярскими записками», являются к нему на приём в сюртуках вместо мундиров и нарушают служебные предписания³³. Но, переговорив с гр. Бенкендорфом, Блудов счёл нужным дать Жиркевичу «особый по сему предмету совет»: не обнаружив в записке Флиге «ничего противного формам (ибо офицерам Корпуса жандармов для записок даны особые формы), а равно и приличиям и учтивости», министр рекомендовал губернатору «отстранять и предупреждать всякий повод к недоразумениям, взаимному раздражению и пререканиям, иногда возникающим от маловажных в существе своём или даже и совершенно ничтожных случаев»³⁴.

В ноябре 1835 г. Флиге вернулся в Курск. Для него столкновение с Жиркевичем, по-видимому, не имело последствий. В ежегодном «Отчёте о действиях чиновников Корпуса жандармов» гр. Бенкендорф доложил императору, что «по засвидетельствованию генерал-адъютанта князя Волконского», Флиге и Стогов «ревностно содействовали к успешнейшему окончанию» перевода государственных крестьян в удельное ведомство³⁵. Флиге был пожалован орден Св. Владимира 3-й степени.

С 1832 г. основной формой отчётности губернских штаб-офицеров являлись полугодовые ведомости, содержавшие характеристику наиболее видных

Ставропольского уезда немедленно был бы сменён и отдан под суд, что Загрязский и выполнил, к сожалению. Это уже так возвысило Флиге в своём собственном мнении, что и ко мне он начал беспрестанно присылать записки с извещением о своих поездках, о неисправности мостов, дорог, по которым он ехал, о нескорой явке чиновников и разном подобном вздоре» (*Жиркевич И.С. Указ. соч.* С. 319—322).

³¹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 24—25.

³² Там же, л. 26—27.

³³ Там же, л. 33.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ Там же, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 101.

чиновников местной администрации³⁶. В январе 1835 г. пост курского военного губернатора занял генерал-майор М.Н. Муравьёв. При его назначении гр. Бенкендорф передал ему отчёты Флиге за 1834 г., что указывало на особое доверие шефа жандармов³⁷. Вскоре Муравьёв сообщил графу, что «более двух месяцев со вниманием наблюдал и проверял справедливость сказанного; наконец, лично удостоверившись в том, вынужденным нашёлся конфиденциально сообщить господам министрам внутренних дел и юстиции моё мнение об некоторых главнейших чиновниках и просить о скорейшем увольнении оных»³⁸. В жандармском отчёте за 1835 г. первые шаги Муравьёва полностью одобрялись и особо отмечалось, как «все сословия Курской губернии радуются, что наконец дождалась они начальника строгого, правдивого, неутомимого и беспристрастного», который, «вникая со всею строгостью в нравственные качества и способности каждого из чиновников... успел составить себе полное понятие о качествах, своекорыстии и усердии каждого»³⁹. 26 января 1836 г. по представлению губернатора Флиге был удостоен благодарности шефа жандармов «за отлично усердную службу и благонамеренные действия»⁴⁰.

Казалось, Муравьёв и Флиге наладили сотрудничество, однако 12 июня 1836 г. из-за конфликта с губернатором последовал перевод Флиге в Минск. Обстоятельства этого столкновения в документах не отразились, но уже 24 июня появился приказ гр. Бенкендорфа по Корпусу жандармов «Об обязанностях жандармских штаб-офицеров к губернскому начальству», напоминавший: «Не смотря ни на правила, изложенные в моих инструкциях, ни на многократные повторения главнейших из сих правил в приказах во вверенному мне корпусу, ни на мои личные наставления, я беспрерывно получаю донесения, что некоторые штаб-офицеры Корпуса жандармов продолжают официально вмешиваться в распоряжения гражданского начальства, делопроизводство судебных мест и разбирательство частных несогласий, вступают в переписку с разными лицами, даже заключают отношения свои требованием уведомления о тех распоряжениях, которые будут сделаны»⁴¹.

В Минске с января 1835 г. гражданским губернатором служил кн. С.И. Давыдов. Позже Флиге доносил в Петербург, что с первых же дней по прибытии в город заметил «нерасположение г. князя Давыдова к корпусу и чинам Корпуса жандармов, а потому держал себя от него всегда в отдалении и кроме обязанностей службы и приличной вежливости, отдаваемой как начальнику губернии

---

³⁶ Подробнее см.: *Матханова Н.П.* Губернаторские отчёты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // *Источники по русской истории и литературе. Сер. Археография и источниковедение Сибири.* Вып. 19. Новосибирск, 2000. С. 204—236; *Бибииков Г.Н.* Полугодовые отчёты губернских жандармских штаб-офицеров: к характеристике источника // *Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов VI международной конференции молодых учёных и специалистов Clío—2016.* М., 2016. С. 55—58.

³⁷ В дальнейшем курский губернатор представлял некоторые бумаги Николаю I через гр. Бенкендорфа (ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 10, д. 185, л. 21—22). Вероятно, покровительство Муравьёву оказывал управляющий III отделением А.Н. Мордвинов, с которыми они воспитывались в одной семье.

³⁸ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 10, д. 185, л. 9.

³⁹ Там же, л. 1.

⁴⁰ Приказы по Корпусу жандармов за 1836 г. [Б.м., б.г.] (приказ № 6, без пагинации).

⁴¹ Там же (приказ № 39, без пагинации).

всякий праздник... не сближался с г-ном князем Давыдовым ни в каких отношениях, не только по службе, но даже и партикулярных»⁴².

Тем не менее в начале ноября 1837 г. полковник представил губернатору ряд служебных записок, вызвавших очередной скандал. В одной из них бывший правитель губернаторской канцелярии Л.О. Любвицкий обвинялся в использовании для поездок старой подорожной, «что в некотором отношении делает большое влияние, а при том никто не вправе с ложною подорожною разъезжать по губернии». Недовольство Флиге вызвало также промедление с размещением Минской жандармской команды в бывшем здании полицейской управы. «Прошло уже 20 дней, — указывал он губернатору 10 ноября, — а команда ещё не получила дома, о чём, как мне известно, поручик Михайлов по приказанию моему пять раз имел честь докладывать Вашему сиятельству, но без успеха!». 11 ноября Карл Яковлевич посетил больницу ордена госпиталитов, после чего написал минскому коменданту: «Я никогда, нигде не видал в таком горестном положении в тюрьмах арестантов, преступников, — я нашёл их почти голыми и босыми, и все в один голос и без малейшего моего вопроса начали приносить жалобы... Не имея права входить в распоряжение гражданского начальства, я делаю о сём моё представление и поставляю себе в обязанность, Вам, как коменданту города Минска, сделать сие известным, тем более потому, что богадельники мне объявили, что приносили о сём жалобы г-ну гражданскому губернатору»⁴³. Комендант передал данную записку кн. Давыдову.

14 ноября кн. Давыдов направил поступившие от Флиге бумаги виленскому генерал-губернатору кн. Н.А. Долгорукову. В сопроводительном рапорте он заявлял, что «притязания г. Флиге несправедливы, неосновательны и даже оскорбительны для звания начальника губернии», а «дерзкие выражения» показывают стремление «выказать совместничество» в управлении. Губернатор просил командировать в Минск чиновника по особым поручениям «как для осмотра богоугодных заведений, так и для удостоверения в действиях по помещению жандармской команды» и принять меры «к воздержанию сего штаб-офицера от той самонадеянности и неприличных рассуждений его в своих бумагах, какими каждая из них наполнена». Князь уже подумывал об отставке: «При подобном враждебном влиянии на дела губернии г. Флиге я не предвижу возможности при известных Вашему сиятельству трудах и деятельности быть полезным сему управлению и потому прошу Вас исходатайствовать мне увольнение от настоящей должности, если признаете уважительными действия г. Флиге, с которым совместная служба была бы сцеплением неприятной и бесполезной переписки, отнимающей время от дел важнейших по управлению губернией»⁴⁴.

Генерал-губернатор не счёл нужным вникать в подробности спора, представив его «справедливому вниманию и разрешению» шефа жандармов, которому и переслал полученные из Минска документы. Однако в сопроводительном письме 19 ноября он всё же поддержал притязания кн. Давыдова, признав, что отношения Флиге «к губернскому начальству нимало не соответствуют духу общей, от Вашего сиятельства данной, инструкции и клонятся к ослаблению гражданской власти... Настоящий случай показывает, что г. Флиге слишком увлёкся личными какими-либо неудовольствиями или, может быть, вообще

⁴² ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 26.

⁴³ Там же, л. 6—7 об., 9—9 об.

⁴⁴ Там же, л. 8—11 об.

заносчивым своим нравом, рождающим распри, за которые, сколько известно, перемещён и из Курска»⁴⁵.

Бенкендорф также не стал требовать от полковника объяснений, но 20 декабря 1837 г. перевёл его в Симбирск на место Стогова. В тот же день граф сделал в письме к Флиге внушение: «Неуместные действия и характер излишне пылкий более нарушают достоинство жандармского штаб-офицера, которого первую отличительную чертою должны быть скромность и несамонадеянность... Если же после того, как Вы не поддержали согласия с гг. губернаторами в Курске и Минске, произойдут и в Симбирске между Вами и г. губернатором неудовольствия, то Вы заставите меня решительно полагать, что сии неудовольствия происходят собственно от Вас, а не от каких других обстоятельств; и поставите меня в неприятную необходимость удалить Вас из вверенного мне корпуса, в коем, до сего времени, Вы более следовали первым движениям Вашего пылкого характера, нежели той благоразумной умеренности и скромности, которая должна отличать хорошего жандармского чиновника»⁴⁶. Тогда же приказом по Корпусу Бенкендорф в очередной раз разъяснял подчинённым: «Дошло до моего сведения, что некоторые штаб-офицеры... продолжают относиться к гг. губернаторам записками, входят с ними в официальную переписку и даже иногда требуют уведомлений о исполнении, что не согласно ни с духом данных мною инструкций, ни с моими наставлениями... Представление к гг. начальникам губерний записок может быть допускаемо со стороны штаб-офицеров не иначе, как уже вследствие приобретённого последними от первых милостивого расположения и полной доверенности, и должны быть подаваемы только в таких случаях, когда на сие будет изъявлено согласие и позволение гг. губернаторов»⁴⁷.

Сам Флиге тем временем пребывал в недоумении. «До сведения моего дошло, — писал он Дубельту в конце декабря, — что князь Николай Андреевич Долгоруков жаловался его сиятельству Александру Христофоровичу на меня, в чём именно состоит его жалоба я не знаю, но догадаться немудрено, ибо всё, что несогласно с его мнением и идёт чрез жандармов, то всегда бывает нехорошо и несправедливо!». Флиге сетовал на то, что кн. Долгоруков, ценивший его службу в Грузии, «как скоро узнал, что я не слепо соглашаюсь с мнениями и действиями минского гражданского губернатора... тотчас меня разлюбил, и я сделался неугодным». Между тем полковник считал, что «князь Давыдов в полном смысле невежа и относительно ко мне и офицерам Корпуса жандармов показывает во всех отношениях всевозможную неделикатность»⁴⁸. Несмотря на приказ о переводе в Симбирск, 13 января 1838 г. Флиге отправил в Петербург очередной отчёт по Минской губ. Губернатор предстал в нём в карикатурном виде: «Прямую свою обязанностью мало занимается и в губернском прав-

⁴⁵ Там же, л. 3. В следующем письме кн. Долгоруков отозвался о Флиге как о человеке «честном и достойном, но у которого всегда был дурной характер» («un digne et galant homme mais qui était toujours d'un caractère fort désagréable» (ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 782, л. 27). Майор А.И. Ломачевский, сменивший в Минске Карла Яковлевича, позднее вспоминал: «Старик Флиге, как после удостоверился я, действительно любил вмешиваться в пустые дела, если они касались лиц, не заискивавших его благосклонного расположения, и готов был вступить за плута, который перед ним раболепствовал» (*Ломачевский А.И.* Записки жандарма. Воспоминания с 1837 по 1843 год // Вестник Европы. 1872. № 3. С. 246).

⁴⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 13—14 об.

⁴⁷ Приказы по Корпусу жандармов за 1837 г. [Б.м., б.г.] (приказ № 60, без пагинации).

⁴⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 28—28 об.

лении, несмотря на строгие Высочайшие повеления и указы, редко бывает, предоставляя приближённым к себе лицам самоуправно и безнаказанно против правды и совести действовать; г. князь Давыдов в губернии не пользуется ни любовью, ни уважением, ни расположением, даже никто его не боится! Бесконечная неправда, которую он говорит в обыкновенном разговоре и делах серьёзных пишет, поставила его в глазах дворян и чиновников в самом неприятном положении, так что он повсеместно в губернии не имеет другого названия как *Князь не любо не слушай!* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в документе. — Г.Б.)⁴⁹.

Переписку с кн. Давыдовым о проволочках при размещении жандармской команды Флиге тогда же сообщил при рапорте начальнику IV (виленского) жандармского округа генерал-майору А.Ф. Дребушу. Начальники округов координировали взаимодействие III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и штаба Корпуса жандармов с офицерами в губерниях. Ранее Дребуш служил губернатором в Минске и хорошо знал местную специфику. 20 декабря он обратился к Дубельту, обвинив в интригах кн. Давыдова, который «весьма не благоволит к жандармам, в особенности к полковнику Флиге, всячески старается у князя Николая Андреевича [Долгорукова] ему вредить, в чём, как последний разговор в Москве меня удостоверяет, он уже довольно успел». Дребуш просил Дубельта о поддержке: «Не вините Флиге, не выслушавши его оправданий, я Вас могу впредь уверить, что тут откроется одна дерзкая выдуманная ложь, точно такая же, как в настоящем деле, где ветхая конюшня, грозящая падением, без починки через год преобразовалась в твёрдое и способное строение». Своей неприязни к князю Дребуш не скрывал: «Не угодно ли будет спросить о губернаторе живущих в Минской губернии помещика, чиновника (в особенности земской полиции), купца, еврея, от первого до последнего, кто Вам попадётся, и Вы узнаете, кто таковы Давыдов, его жена и окружающие их... но рано или поздно откроются мерзкие дела, они все на мази». На обороте письма начальник округа чуть ли не умолял: «Браните, виноват, да только прочтите бумаги, и я уверен, что невинно отличнейший штаб-офицер не дастся в обиду»⁵⁰.

Письма Флиге и Дребуша читали в Петербурге в тот момент, когда решение о переводе Карла Яковлевича уже состоялось. Граф Бенкендорф распорядился не давать делу дальнейшего хода, посоветовал оставшемуся в Вильне генерал-майору, чтобы тот «милостивее смотрел на кн. Давыдова, ибо как Дребуш сам был минским губернатором, то всякая на Давыдова жалоба кажется личностью; впрочем, ежели имеет факты, то пусть представит, ибо то, о чём писал, не заслуживает такой обширной переписки»⁵¹. Копия с письма Дребуша к Дубельту по распоряжению шефа жандармов была передана кн. Долгорукову, что поставило начальника округа в неудобное положение. В конце февраля 1838 г. он уже оправдывался перед Дубельтом за то, что при «многотрудных занятиях» вовлёк его «неволью в эти дрызги». «Я никогда не жаловался на Давыдова, — уверял он, — писанное же мною, по убеждению сердца о благородных правилах полковника Флиге как начальник, я считал моею обязанностью, — Флиге может быть не любим, но не может быть не уважаем, а я весьма этим дорожу для голубого мундира»⁵².

⁴⁹ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 12, д. 267е, л. 163.

⁵⁰ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 15—16 об.

⁵¹ Там же, л. 28.

⁵² Там же, л. 40 об.

Получив от гр. Бенкендорфа выговор, Флиге направил ему рапорт, в котором утверждал, что «с гражданским губернатором никаких сношений не имел, ни частных, ни официальных, кроме о помещении Минской жандармской команды... решительно ни в какие его дела не входил и... потому ни в каком случае не мог быть препятствием к исполнению обязанности гражданского начальства». Напомнив про свои прежние ходатайства о переводе из Минска, полковник пытался объяснить возникшие у него затруднения: «В Симбирскую губернию я ехать не могу, ибо не переношу тамошнего климата... не желая быть удалённым из Корпуса жандармов с лишением чести, с которою неразлучно служил около 40 лет офицером, я прошу одной милости, когда уже я так невинно подпал гневу и нерасположению моего начальства, чтоб мне позволено было здесь в Минске подать прошение об увольнении меня от службы. Хотя я решительно никакого состояния не имею и существование моё зависит единственно только от одной службы, но я лучше готов погибнуть, чем видеть на себе пятно и дожидаться предложения оставить Корпус жандармов, где служить я поставлял себе всегда за особую честь»⁵³. Одновременно с рапортом он по обыкновению отправил письмо Дубельту, в котором сетовал на своё «самое неприятное и жалкое» положение и намекал на желание служить ближе к Киеву, где находился его дом и жили родственники. «Участь моя теперь зависит от Вас, Леонтий Васильевич, — взывал Карл Яковлевич, — и Вам я её вверяю, приказывайте, я с нетерпением буду ожидать Вашего ответа, буду считать дни и часы, не дайте мне невинно погибнуть, удаляя меня от Киева»⁵⁴.

Дубельт, видимо, переговорил с гр. Бенкендорфом и 13 января 1838 г. настойчиво убеждал Флиге отправиться на Волгу, «не в виде наказания, но, с одной стороны, в том внимании, что министр императорского двора генерал-адъютант князь Волконский желал, чтобы в Симбирске были Вы жандармским штаб-офицером, а с другой, и по той причине, что в Минске Вам самим, по начавшимся между Вами и тамошним гражданским губернатором неудовольствиям, было бы неприятно оставаться. Граф Александр Христофорович при сём случае отозвался также, что военный чиновник никогда не может полагать себя постоянным жителем где-либо и всегда должен ожидать перемещения из одного места в другое»⁵⁵. 20 января Дубельт вновь заверял полковника: «С перемещением Вашим Вы нисколько не теряете того отличного уважения, которым Вы всегда пользовались на службе в Корпусе жандармов»⁵⁶. Но Флиге продолжал хлопотать о переводе в другую губернию и 8 февраля получил назначение в Чернигов.

Между тем, согласно Положению о Корпусе жандармов 1836 г., губернские управления поручались офицерам «в чине от майора до полковника включительно»⁵⁷. Становясь генералами, многие жандармы покидали ведомство. Ещё П.А. Зайончковский обратил внимание на то, что при Николае I «среди губернаторов-генералов встречались изредка и жандармские офицеры»⁵⁸. Случалось,

⁵³ Там же, л. 33—33 об.

⁵⁴ Там же, л. 34.

⁵⁵ Там же, л. 36.

⁵⁶ Там же, л. 38.

⁵⁷ ПСЗ-II. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1836. № 9355. С середины 1840-х гг. некоторые жандармы, получив генеральский чин, продолжали возглавлять губернские управления.

⁵⁸ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 151. Так, жандармскими штаб-офицерами ранее служили С.В. Перфильев, А.Ф. Дейер и М.Н. Жемчужников — рязанский, харьковский и костромской губернаторы.

что штаб-офицеры сами направляли в Петербург прошения о назначении в губернаторы⁵⁹.

В декабре 1838 г. гр. Бенкендорф сообщил дежурному генералу Главного штаба П.А. Клейнмихелю: «Мною предположено ежегодно ходатайствовать о производстве в следующий чин старших полковников Корпуса жандармов, с одной стороны, в том внимании, чтобы младшие полковники других войск не обходили их в производстве, а с другой, дабы достойнейшие из подчинённых мне чиновников не оставались без заслуженной награды». В числе трёх штаб-офицеров, которые, получив генеральские эполеты, «по своей опытности и знаниям, приобретёнными ими долговременной службой, могут быть весьма хорошими начальниками губерний», граф указал и Флиге⁶⁰.

Конечно, Карл Яковлевич имел все основания претендовать на повышение по выслуге лет, но нельзя исключать, что гр. Бенкендорф решил таким способом избавиться от неуживчивого подчинённого. 26 марта 1839 г. по всеподданнейшему докладу военного министра кн. А.И. Чернышёва Флиге был произведён в генерал-майоры с отчислением из Корпуса жандармов. При этом Николай I осведомился у Бенкендорфа: «Не полагаете ли употребить его по вверенному Вам корпусу и, в таком случае, к какой именно должности?». Шеф жандармов ответил через военного министра, что Флиге «был всегда одним из лучших губернских жандармских штаб-офицеров и обладает многими отличными качествами», однако не подходит для роли начальника округа. Вместе с тем граф считал, что «по способностям своим он может быть очень хорошим военным губернатором»⁶¹. 10 апреля в ожидании вакансии Флиге причислили к МВД.

Карл Яковлевич воспринял случившееся с досадой. «Как ни благодарен я Вам за красное яичко, — писал он Дубельту 8 апреля 1839 г., — за внимание и расположение ко мне... но письмо Ваше от 26 марта и Высочайший приказ были и радости, и грусти мне причина! Что я буду делать с моим превосходительством, если Вы удалите меня из Корпуса жандармов; и не придётся ли мне снова желать возвратиться в первобытное состояние? Прошу Вас, почтеннейший Леонтий Васильевич, об одной и последней милости: доставить мне случай продолжать службу под начальством благодетельного и достойнейшего нашего шефа и Вашим покровительством, а иначе производство моё не принесёт мне никакой отрады... Вверяю Вам судьбу мою в полной надежде единственно на покровительство Ваше, и буду с нетерпением ожидать, что Вам угодно будет из меня сделать, только ради Бога не губернатора»⁶².

Однако Дубельт даже не стал беспокоить этой просьбой гр. Бенкендорфа и холодно ответил: «При всей искреннейшей готовности моей ходатайствовать об оставлении Вас в Корпусе жандармов я не нахожу возможности к перемене вышеупомянутого предназначения»⁶³. Это известие «удивило и огорчило» Флиге, который признавался: «Прослужа около 40 лет во фронте, я никогда не приговлял себя к гражданской службе и, не надеясь быть отличным губернатором,

⁵⁹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 12, д. 166, л. 28.

⁶⁰ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 782, л. 3.

⁶¹ Там же, л. 19—19 об.

⁶² Там же, л. 28—29. С марта 1839 г. Дубельт совмещал должности начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии, его влияние в ведомстве заметно усилилось.

⁶³ Там же, л. 49.

не желал быть посредственным — каких видел много!». Тем не менее оставлять службу он не хотел и к тому же надеялся на поддержку бывшего начальника, которого просил о покровительстве «в случае какой-либо ошибки»⁶⁴. Со своей стороны, Дубельт передал ему слова гр. Бенкендорфа: «Хотя Вы объяснили... что никогда не приготавливали себя к гражданской службе и не надеетесь быть отличным губернатором, но Его сиятельство из сего самого объяснения, внушённого Вам скромностью и доказывающего, что Вы чужды самонадеянности, изволил отозваться, что Вы-то и будете отличным начальником губернии»⁶⁵.

12 мая 1839 г. Флиге сменил Муравьёва на посту курского губернатора, а в ноябре 1840 г. его перевели на ту же должность в Каменец-Подольский. При этих назначениях явно учитывался служебный опыт Флиге и его желание находиться поближе к Киеву. Но стоило Карлу Яковлевичу переехать в Юго-Западный край, как у него начались разногласия с киевским военным губернатором, подольским и волынским генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым.

«Наказ» 1837 г. обязывал губернаторов отмечать среди местных чиновников «явное нерадение к службе», узнавать «о предосудительных с их стороны поступках, лихоимстве или ином злоупотреблении власти и доверенности начальства». Тех, кто подчинялся ему непосредственно, губернатор мог отрешать от должности своей властью, но о служащих других ведомств приходилось делать представления генерал-губернатору и министрам, «означая в своих донесениях, со всею возможною точностью и необходимою подробностью, как обстоятельства самого дела, так и подавший к началу оногo повод»⁶⁶.

В середине марта 1841 г. Флиге направил Бибикову отношение, в котором просил обратиться в министерства и добиться от них согласия на отставку управляющего губернской палатой государственных имуществ надворного советника С.Ф. Пятковского и советника казённой палаты коллежского советника Н.П. Крицкого, заподозренных губернатором в злоупотреблениях. Бибикова, похоже, смутила бездоказательность выдвинутых обвинений. «Хотя я уверен, что ни граф Канкрин, ни граф Киселёв не откажут в просьбе моей перевести этих чиновников или уволить их вовсе от службы, — отвечал генерал-губернатор, — но я не могу решиться ходатайствовать о сём, не имея о злоупотреблениях их никакого факта, почему покорнейше прошу Ваше превосходительство по известности Вам помянутых сведений постараться открыть какой-нибудь факт, обличающий их неблагонадёжность»⁶⁷.

Флиге смог привести лишь косвенные и весьма неубедительные свидетельства. Так, он утверждал, что Пятковский «отдачею имений в арендное содержание за весьма низкие цены, именно тем лицам, кому ему угодно, а не по извещению публики, достаточно даёт право сомневаться в чистоте его действий на пользу государственную». Крицкий же «при вступлении на службу в палату... не имел ничего, а теперь обладает имением в 300 душ!». Правда, губернатор уточнял, что, «сообщая... подобного рода сведения о чиновниках Критском и Пятковском», он «не имел в виду сделать им зло удалением вовсе от службы; но полагал бы справедливым: для ослабления силы их вредного влияния на

⁶⁴ Там же, л. 69.

⁶⁵ Там же, л. 72.

⁶⁶ ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10303.

⁶⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 33.

службу, временем упроченного — перевести их под благовидным предлогом в другие соответственные званию их места»⁶⁸.

Бибикова подобные объяснения не устроили. «Жители здешних губерний так привыкли чернить чиновников клеветой, — полагал генерал-губернатор, — и сами чиновники так часто выдумывают разные сплетни друг на друга, что слухам верить можно только с большой осторожностью»⁶⁹. Тогда Флиге сообщил новые слухи о том, будто Крицкий «по еврейскому рекрутскому набору и в особенности по приёму рекрут с Винницкого общества виновен», а председатель казённой палаты действительный статский советник Ф.К. Гирс без него «не смеет шагу сделать и слова молвить, а этот злонамеренный дядько (так в тексте. — Г.Б.) действует в свою пользу»⁷⁰. Карл Яковлевич не верил в возможность привлечь к ответственности опытных дельцов, годами использовавших служебное положение в личных интересах, и высказывался весьма резко: «Метода взяток и сделок самых недобросовестных облечена хитростью и ловкостью деловых, как говорят, людей, в такую благовидную форму, что самая прозорливая честность не в силах проникнуть скрывающегося в ней зла. И потому остаётся одно — и сколько я могу судить по опыту — более или менее несомнительное средство, основывая заключение о злоупотреблениях чиновников на соображении общих о них отзывов людей благонамеренных, неукоризненной жизни и известных своею честностью и образом мыслей... Никогда не позволю себе представлять начальству донесения гадательно, привыкши всегда передавать всё то, что до меня доходит и в чём я в душе убеждён по обстоятельствам собственно мною соображённым». Однако Бибиков по-прежнему требовал доказательств: «Если имеете какие данные о злоупотреблениях... то приказать произвести о сём надлежащее исследование и о последующем меня уведомить»⁷¹. На этом переписка по данному поводу прекратилась.

В августе 1841 г. подольский губернатор побывал в Петербурге. Желая «переменить род службы», он безуспешно обращался к управлявшему МВД гр. А.Г. Строганову, гр. Клейнмихелю, Дубельту и гр. Бенкендорфу⁷².

По возвращении в Каменец-Подольский Флиге объехал вверенную ему губернию и провёл ревизию присутственных мест⁷³. 25 сентября 1841 г. он представил Бибикову список чиновников, которые «не должны бы оставаться на своих местах». Документ был составлен по образцу полугодовых жандармских отчётов и включал 16 фамилий с краткими отрицательными характеристиками. Так, отмечалось, что винницкий полицмейстер полковник А.Ф. Янковский

⁶⁸ Там же, л. 34—35.

⁶⁹ Там же, л. 42.

⁷⁰ Там же, л. 44—46.

⁷¹ Там же, л. 48.

⁷² Там же, л. 23.

⁷³ Тогда же он выявил и изобразил все «достопримечательные места по истории и преданиям... все древности и редкости, все старинные укрепленные места, замки, церкви, памятники и всё, что только могло быть любопытно» (ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 16, д. 1549, л. 2). См.: Атлас Подольской губернии. Историческое объяснение планов и рисунков атласа Подольской губернии, составленное губернатором К.Я. Флиге в 1842 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Ч. II. С. 311—353). По мнению краеведов, «это издание стало началом официальных региональных исследований на Подолье» (Сикора Э.Ф. Лица Каменца-Подольского, или те, кто творил историю «Цветка на камне», кто оказывал влияние на его судьбу, а также те, кому повезло увидеть своими глазами это неповторимое чудо природы и творение человеческой фантазии. Харьков, 2010. С. 280). См. также рукопись «Исторические записки о Подольской губернии и народные песни и думы, собранные генерал-майором Флиге»: ОР РГБ, ф. 178, разд. I, д. 7659.

«слаб и совершенно беспечен по службе; будучи в полном смысле бестолков, управляется другими и ко всем убеждениям невнимателен». Один из частных приставов характеризовался как «горький пьяница», другой — как «совершенный дурак и по слухам дрянной». Указывалось также, что «судья уездного суда г. Виляновский безграмотный», а губернского стряпчего А.К. Недобыльского «как неблагонадёжного чиновника и вредного для службы следует уволить». Среди отзывов встречались такие, как «нетрезвый человек», «пустой болтун и взяточник», «старого покроя человек: в нём мало толку, а много зла», «старого покроя и пьяница» и т.п.⁷⁴

Бибиков вновь отказался вступать в объяснения с министерствами, опираясь на такие данные. 3 октября он уведомил Флиге: «Хотя я совершенно уверен в убеждении Вашем о бесполезности их в настоящих местах, но как, вероятно, при ревизии Вами губернии замечания об них сделаны были сообразно действиям их по службе, допущенным ими и в самих делах, то собственно для сведения моего, я покорнейше прошу Ваше превосходительство уведомить меня о тех случаях, или делах, послуживших Вам основанием к составлению об них изъяснённых в записке Вашей заключений, которые в настоящем весьма кратком изложении не дают вполне уразуметь бесполезность для службы сих чиновников»⁷⁵. Но Флиге, судя по всему, не видел необходимости в дополнительных разъяснениях. «Дела, в каком виде я их нашёл, — отвечал он генерал-губернатору 17 октября, — общие отзывы об этих чиновниках, подтверждённые собственными моими наблюдениями, послужили мне основанием к такому заключению; а искреннее желание видеть эту часть в лучшем положении, нежели как она находится ныне, руководило меня при этом донесении»⁷⁶.

Тогда Бибиков потребовал более подробных сообщений «на счёт уездных стряпчих Подольской губернии с объяснением, в каком и у кого именно виде нашли Вы дела и каким образом Ваше наблюдение в короткое время Ваших свиданий со стряпчими подтвердило общее о них мнение». Генерал-губернатор настаивал: «Я желаю иметь, как уже и прежде писал к Вам, факты на то, когда говорят о чиновниках, что они дурны, ибо если они действительно дурны, то доказательств к тому всякому начальнику найти не трудно, не в пустом говоре, но в делах и действиях, по которым всегда безошибочно можно судить о чиновниках»⁷⁷. На этот раз Флиге не только отказался исполнять предписание, но и счёл его оскорбительным. «Прослужа слишком сорок лет и проходя много родов службы, — писал он, — мне ещё не случалось испытывать, чтобы от меня требовали фактовых доказательств того, что я доношу о своих подчинённых. Ныне будучи Высочайшею волею облечён в звание военного губернатора, я тем менее думал встретить подобного рода вопросы... Требуемых фактов я не умею представлять и даже не понимаю, какого рода факты от начальника губернии, кроме аттестации, можно требовать и могут быть представляемы? Если Вы находите, что чиновники эти хороши, пусть служат; но за беспорядки и злоупотребления впоследствии я уже не буду отвечать. Личностей у меня с моими подчинёнными быть не может, тем более что я из них многих даже почти лично не знаю, но суждение о них я определяю по делам, а не на пустом

⁷⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 49—51.

⁷⁵ Там же, л. 52.

⁷⁶ Там же, л. 54.

⁷⁷ Там же, л. 56.

говоре»⁷⁸. 7 ноября Бибиков просил избавить его «от такого рода возражений и переписки», сославшись на «Наказ» 1837 г., запрещавший начальнику губернии «давать движения напрасным, никакими доказательствами не подкрепляемым, доносам», и устанавливавший, что «изъявления чувства досады или иного подобного не может быть допусваемо в отношениях по делам службы»⁷⁹. Генерал-губернатор даже привёл выдержку из манифеста 25 июня 1811 г., напоминая, что «каждое лицо, состоящее в службе, обязано оказывать уважение к предпоставленному над ним высшему лицу, принимать от него приказания и исполнять их с точностью»⁸⁰.

В те же дни ревизию Подольской губ. проводил директор II департамента Министерства государственных имуществ действительный статский советник В.Е. Клоков, который удалил от должности управляющего палатой государственных имуществ Пятковского и с согласия Флиге временно предоставил освободившееся место подольскому вице-губернатору В.С. Нечаю. Бибиков сделал губернатору выговор и потребовал отменить назначение, поскольку «никто не может быть определён к двум или более должностям вдруг и занимать оные в одно и то же время, разве последует на то особое Высочайшее повеление»⁸¹.

На этом терпение начальника края иссякло. 8 ноября он переслал переписку с Флиге министру внутренних дел Л.А. Перовскому, ходатайствуя об увольнении губернатора. «С самого вступления генерала Флиге я заметил его не знающим порядка службы и губернского управления..., — докладывал Бибиков. — Сколько мог, несмотря на весьма неприятную с ним переписку, я старался направить его к надлежащей цели служения, полагая, что незнание губернии и привычка смотреть на вещи весьма легко были тому причиною, одним словом, я надеялся на исправление; но, к несчастью, всё это продолжается и поныне и особенно усилилось и дошло до дерзости со времени возвращения его из С[анкт-]Петербурга... Дальнейшее пребывание г. Флиге в Подольской губернии грозит мне строгою ответственностью пред государем императором, ибо в настоящем ходе дел в губернии я не могу ручаться, чтобы мне возможно было предупреждать все беспорядки и чтобы монаршая воля исполнялась так, как бы я желал и как того требует польза края и службы, а потому долгом поставлю всепокорнейше просить... повергнуть настоящее моё положение на всемилостивейшее воззрение государя императора, пусть царская правда решит, должен ли Флиге здесь оставаться?»⁸².

Бибиков стремился отделаться от неуживчивого и беспокойного губернатора, рассчитывая заменить его своим протеже. Перовский, ставший министром в сентябре 1841 г., активно усиливал надзор за губернаторами и добивался отстранения жандармов от дел местного управления. Увольнение Флиге, очевидно, было ему на руку. 27 ноября 1841 г. министр представил Николаю I доклад «Об увольнении генерал-майора Флиге от должности начальника Подольской губернии», в котором констатировал, что переписка генерал-губер-

---

⁷⁸ Там же, л. 57—58. При этом Флиге не вполне корректно называл своими подчинёнными уездных стряпчих, подчинявшихся губернскому прокурору, который формально не зависел от губернатора.

⁷⁹ См.: ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10303.

⁸⁰ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 60—62.

⁸¹ Там же, л. 56.

⁸² Там же, л. 72—75.

натора с Флиге «действительно доказывает, что сей последний по незнанию или по опрометчивости нередко допускает действия, совершенно неуместные и превышающие права, предоставленные ему законом»⁸³. 30 ноября Флиге был уволен от должности с мундиром и полным пенсионом.

Получив уведомление об отставке, Карл Яковлевич не терял надежды. «Прошу принять меня в своё покровительство, — писал он 22 декабря Перовскому, — указать мне вину мою и дать мне возможность оправдаться, и быть опять на службе, без которой, не имея решительно никакого состояния, я существовать не могу». «Не было ни одного дела, — уверял генерал-майор, — которое бы могло быть поводом к удалению меня от службы, и я совершенно теряюсь в отыскании причин»⁸⁴. Перовский напомнил ему про «возражения и замечания, противные правилам подчинённости», и «действия, неуместные и превышающие права, которые предоставлены были Вам законом», заверив, что «при сём случае оказано Вам всевозможное снисхождение, дающее право вновь искать службы в другом по усмотрению Вашему ведомстве»⁸⁵.

В этой ситуации Флиге мог рассчитывать лишь на поддержку прежнего жандармского начальства⁸⁶. 28 декабря он написал гр. Бенкендорфу: «Будучи в августе месяце в С[анкт-]Петербурге, я имел честь лично докладывать Вашему сиятельству, какие неприятности и неуважения я должен был переносить по службе от г. генерал-губернатора Бибикова, единственно за то, что назначение моё последовало без его согласия. С возвращением моим из С[анкт-]Петербурга г. Бибиков ещё более стал меня преследовать и напоследок он достиг того, что я уволен от службы». Генерал-майор искал у графа «защиты против несправедливости»: «Укажите мне мой проступок и дайте мне средство оправдаться пред государем, коему безукоризненно служил 40 лет. Я охотно предаю себя ему, ибо не чувствую за собою ничего и не способен сделать ничего предосудительного... Вся моя надежда теперь единственно на Вас и неужели я один буду так несчастлив, что не найду в Вас справедливого защитника?... Неужели я за это в преклонных летах и за долговременную службу должен бедствовать, не имея решительно никакого состояния и чувствуя себя способным служить, но только не губернатором, чего я никогда не желал и не искал»⁸⁷. Дубельту Флиге изложил свои пожелания более определённо: «Вы меня знаете с молодых лет... ожидаю отрады в моём горестном положении и не прошу губернаторского места и даже не желаю его, а прошу места коменданта, где бы я на старости мог приклонить голову»⁸⁸.

10 января 1842 г. гр. Бенкендорф решил узнать у министра внутренних дел подробности увольнения Флиге, которого характеризовал «как отличного и достойного во всех отношениях человека». Перовский ознакомил графа с перепиской Бибикова и Флиге, но она произвела на шефа жандармов двойственное впечатление. «Будучи убеждён в том, что после помянутой переписки министерство не могло ни сколько колебаться относительно удаления от губернаторской должности означенного генерала, я в то же время не могу не сознаться, —

---

⁸³ Там же, л. 3—4.

⁸⁴ Там же, л. 22—23.

⁸⁵ Там же, л. 28.

⁸⁶ Недаром, будучи курским и подольским губернатором, Флиге поддерживал переписку с Дубельтом (ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 16, д. 1549).

⁸⁷ Там же, оп. 17, д. 5, л. 2.

⁸⁸ Там же, л. 7—8.

отмечал гр. Александр Христофорович, — что та же самая переписка, с другой стороны, обнаруживает честного человека и чистоту его действий»⁸⁹.

Это мнение гр. Бенкендорф включил и в дополнение к ежегодному «Нравственно-политическому отчёту» III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, который был подан Николаю I 2 февраля 1842 г.: «Шеф жандармов всегда охотно уступал в другие ведомства подчинённых ему чиновников, ими были новые их начальства довольны, и ежели один из выбывших из Корпуса жандармов чиновников в последнее время, генерал-майор Флиге, не был в состоянии приобрести доверенность и расположение генерал-лейтенанта Бибикова и лишился своего места, ибо дозволил себе писать к нему письма излишне смелые, но это событие не отнимает у него достоинство честного и усердного человека»⁹⁰. По указанию гр. Бенкендорфа в штабе Корпуса подготовили подробный доклад, освещающий действия Флиге в выгодном для него свете. В нём, в частности, упоминалось о том, что ещё летом 1841 г. генерал-майор собирался «просить об увольнении», и только убеждения шефа жандармов заставили его «пожертвовать для общей пользы личными отношениями». Признавая, что письма Флиге к Бибикову «написаны были слишком смело», в докладе хвалили «прямодушие его действий, честность и любовь к своему делу». Выяснилось также, что в пользу Флиге говорили «не только жители Каменец-Подольской губернии, но и тамошние помещики, постоянно в Петербурге живущие». Так, член Государственного совета генерал-адъютант гр. В.И. Красинский и обер-сенек сенатор гр. В.К. Браницкий «сетуют на удаление Флиге, который беспристрастными и благоразумными распоряжениями на пользу службы, честностью и постоянною заботливостью приобрёл общую любовь и доверие и... способствовал к прекращению в Подольской губернии лихоимства и самоуправия». «Зная с давних лет честную и деятельную службу сего генерала, — заключал гр. Бенкендорф, — и будучи убеждён, что он может быть ещё для оной весьма полезен, осмеливаюсь повергнуть на Всемилостивейшее воззрение... не благоугодно ли будет... соизволить мне войти с представлением об определении генерал-майора Флиге в Корпус жандармов»⁹¹. Переписанный набело, этот доклад так и не был представлен императору; Дубельт сделал на нём помету: «Оставить до некоторого времени». Вероятно, гр. Бенкендорф предпочёл предварительно обсудить просьбу Флиге в частной беседе с Николаем I.

В начале марта 1842 г. Карл Яковлевич напомнил о себе Дубельту. «Убивственное Ваше молчание в моём положении истинно убивственно, — сокрушался он. — Я прошу одного Вашего слова, от которого навсегда решена будет моя участь. Если Вы откажетесь быть моим покровителем, и я почему-либо не могу быть на службе и в особенности под начальством графа Александра Христофоровича и Вашим, то для меня всё кончено». Своё увольнение он теперь объяснял тем, что «не позволял фавориту Б[ибикова] ездить на себе верхом и грабить губернию, сам же Б[ибиков], как муж блаженный, ни в чём не виноват, кроме своей подписи»⁹². 15 марта Дубельт известил бывшего сослуживца: шеф жандар-

⁸⁹ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 24, 26, 29.

⁹⁰ «Россия под надзором»: отчёты III отделения. 1827—1869 гг. / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Шербакова. М., 2006. С. 271.

⁹¹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 5, л. 9—12.

⁹² Там же, л. 14. В январе 1840 г. III отделение Собственной е.и.в. канцелярии завело дело «О лихоимстве состоящего при киевском военном губернаторе чиновником для особых поручений Писарева», на которого намекал Флиге. В деле имелось несколько доносов, а также нелест-

мов, «принимая искреннее участие» в его деле, старается ему помочь, но «весьма сожалеет, что ныне не представляется возможности определить Вас вновь в Корпус жандармов»⁹³. Через несколько месяцев Флиге скончался в Киеве⁹⁴.

История взаимоотношений К.Я. Флиге с губернаторами и генерал-губернаторами свидетельствует о том, что столкновениям чинов Корпуса жандармов с местными властями немало способствовала неопределённость служебного положения губернских штаб-офицеров, которым вменялось в обязанность выстраивать доверительные отношения с администрацией и одновременно негласно надзирать за её деятельностью. В случае же конфликта губернаторы имели возможность различными путями донести свои жалобы как до собственного, так и до жандармского начальства, а шеф жандармов далеко не всегда безоговорочно поддерживал подчинённых и мог, не вдаваясь в детали, прекратить возникшее противостояние, переведя штаб-офицера в другую губернию. В уязвимом положении оказывались и те жандармы, которые со временем попадали на губернаторские посты. Руководители МВД и генерал-губернаторы стремились избавиться от подчинённых, сохранявших лояльность к прежнему начальству, покровительство которого не гарантировало от увольнения. Да и привычные жандармские приёмы и методы зачастую не подходили для управления губерниями. Не случайно жандармы недолго задерживались в губернаторских должностях, а с середины 1840-х гг. занимали их всё реже.

ный отзыв о Писареве новороссийского генерал-губернатора гр. М.С. Воронцова. Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 146—148.

⁹³ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 5, л. 15.

⁹⁴ На похоронах Флиге присутствовал и бывший симбирский штаб-офицер Стогов. Позднее в «Записках» он не пощадил Карла Яковлевича, которому будто бы «дела... не было, да и едва ли он способен был на дело. Он предполагал что-то начать, всё думал начать, но так ничего и не начал». Как полагал мемуарист, «Корпус жандармов избавился от него, сделал его подольским губернатором, где он был — калиф на час» (*Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / Публ. Е.Н. Мухиной. М., 2003. С. 128). Сам Стогов покинул жандармскую службу в 1837 г. из-за конфликта с вице-президентом Департамента уделов Перовским. С 1838 г. Эразм Иванович управлял канцелярией киевского генерал-губернатора и, возможно, имел отношение к отставке Флиге.